

ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

АЛЛА
ХОЛОД

ДЕВОЧКА
из
провинции

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х73

Оформление серии *С. Груздева*

Холод, Алла.

Х73 Девочка из провинции : [роман] / Алла Холод. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Психология преступления).

ISBN 978-5-699-96619-6

Больше всего на свете Катя Скворцова боялась, что любимый Дима может ее бросить. Он слишком привлекателен, и за свое счастье рядом с ним нужно бороться! Ведь Катя не слепая и прекрасно видит, что в их паре любит она, а Дима лишь позволяет себя любить. Значит, в любой момент их непрочная связь может оборваться... А ведь Катя готова посвятить Диме всю жизнь и пойти для него буквально на все! Ради любимого она готова измениться до неузнаваемости и бросить вызов всему миру. Так милая, но совершенно обычная девушка незаметно начинает превращаться в настоящее чудовище...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Холод А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-96619-6

ЧАСТЬ 1

Глава 1

«Все! Эта часть моей жизни закончилась, эту страницу я закрыла, — подумала Катя, вздохнула и резюмировала: — На все воля Божья».

Свои вещи она уже давно перевезла в город, в дом дяди Бориса, и на новом месте успела обустроиться, так что сегодня к автовокзалу шла налегке. Она приезжала доделать последние дела: забрать трудовую книжку из больницы, а заодно со всеми по-человечески попрощаться: с девочками, докторами, с Сергеем Ивановичем из общей хирургии. Прощание с ним, правда, вышло скомканным, не таким оно должно быть у людей, которые какое-то время состояли в отношениях. Хотя чего вздыхать? У Сергея Ивановича семья, совместных перспектив все равно не было, так что жалеть, собственно, не о чем.

Вчера Катя навестила папу, убралась у него, посадила цветочки, расставила по местам перевернувшиеся во время недавней непогоды венки. Памятник до года ставить, говорят, нельзя, так что дальше они уже вместе с дядей Борисом будут думать. Это дело не сегодняшнего дня, этим они займутся следующим летом. Нельзя сказать, чтобы смерть отца потрясла Катю: папа болел долго, онкологический диагноз и стадия заболевания не давали поводов для оптимизма. Катя была готова к тому, что в свои двадцать четыре года останется круглой сиротой. Она уговаривала себя, собирала душевные силы, и когда самое страшное случилось, Катя встретила свое горе достойно, без истерики.

АЛЛА ХОЛОД

Прощаться с родным городом было легко. А если бы не смерть папы, то, наверное, еще и радостно. Катя шла по улице с небольшой сумкой через плечо и думала, что если бы она писала стихи, то сейчас обязательно сочинила бы что-нибудь, начинающееся строками: «Прощай, родное захолустье».

Кто вообще придумал гордо именовать райцентры «городами»? Какое имеют право так называться эти населенные пункты? Катя была убеждена, что райцентр так и должен называться — районный центр. Не деревня, конечно, но и не город. Уж точно не город! Этот населенный пункт вообще не поймешь что. И это «не поймешь что» должно так же униЗИтельно именоваться — райцентр. Конечно, в их так называемом городе была своя районная больница, где работал папа и где работала сама Катя. Был свой медицинский колледж, который Катя окончила, было несколько довольно крупных перерабатывающих предприятий и — сложно поверить! — даже свой крошечный драматический театр. Цивилизация выражалась также в наличии библиотеки, в которой организован литературный клуб (подумать только!), и даже собственного городского детективного агентства. Это было совсем из ряда вон: кто и что у них расследует, интересно знать? Похищение кур со двора тети Маши или наезды на коммерческий киоск, торгующий жвачкой и сигаретами? Смешно же ведь, правда?

Тренды, которые заносило сюда с «большой земли», реализовались в архитектурных изысках, что позволяли себе местные богатеи, да еще, пожалуй, в одном-единственном ресторанчике, который действительно мог бы выглядеть весьма стильно, если бы с ним не соседствовали унылые серые здания времен догорбачевской эпохи.

Центром городка считалась улица, на которой располагались официальные учреждения: прокуратура, районный суд, администрация, два филиала разных банков, ме-

Девочка из провинции

дицинский колледж. Была и угаженная голубями площадь с фонтаном, которую летом заваливало сугробами тополиного пуха и на которой располагался театр. В последнее время местные власти привели в более или менее божеский вид единственный городской парк, в котором раньше и в будни, и в выходные только пили и дрались. Теперь в парке местные казаки стали отмечать свои Спасы и другие казачьи праздники с кулачными боями, джигитовкой, перетягиванием каната и горячей кашей из полевой кухни. Правда, все это тоже заканчивалось пьянкой и дракой, но хотя бы начиналось хорошо и весело.

Нельзя сказать, чтобы местная администрация совсем не благоустраивала город: в некоторых местах устанавливали клумбы, украшенные скульптурными ансамблями, — правда, не всегда было понятно, что именно эти конструкции изображают. В остальном райцентр оставался настоящей деревней, где кудахтали куры и хрюкали свиночки. И единственной приличной дорогой была та, которая вела в областной центр — город с миллионным населением. Туда, куда рано или поздно перебирались все, у кого были хоть какие-то планы на жизнь.

Если бы не смерть отца, которая по определению не может быть расценена как толчок к новой жизни, то можно было бы считать, что Кате несказанно, просто удивительно повезло. Ее, двадцатичетырехлетнюю сироту, решил забрать к себе в город папин старший брат.

А дядя Борис — совсем не то что папа! Он по-настоящему успешный человек, который многого достиг в жизни. Это папа довольствовался должностью заместителя главного врача в районной больнице. И он, и давно покойная мама любили тишину глухой провинции. Ходили в лес за грибами, папа удил рыбу, мама выращивала смородину, клубнику и каждый год варила из своих ягод варенье. Ро-

АЛЛА ХОЛОД

дителям нравилась такая жизнь, спокойная и уединенная, на чистом воздухе, вдали от городского смога и суеты.

Дядя Борис после учебы в родные пенаты не вернулся, остался в большом городе, сделал блестящую карьеру, стал заметным руководителем. Все в нем выдавало успешного человека: стройный и подтянутый, несмотря на возраст, дорогой костюм, благородная седина в идеально подстриженных волосах. Уверенность и успех читались в каждом движении, в том, как он выходил из своего сверкающего джипа, как широко улыбался, не стесняясь демонстрировать зубы, слишком хорошие, чтобы быть настоящими.

При жизни папы братья виделись не очень часто. Летом дядя Борис иногда приезжал на малую родину отдохнуть и порыбачить. Или Катя с отцом проводывали его, когда ездили в областной центр за необходимыми покупками и по делам.

У дяди Бориса был прекрасный двухэтажный дом с участком, красивая жена, моложе его на десять лет, и дочь. Год назад у дяди случилась серьезная семейная драма. Все дело было в его супруге — Регине. Она вышла за Бориса замуж, когда ей еще не исполнилось и двадцати, сразу же родила дочь, а затем, посчитав свой долг исполненным, занялась собой.

Она была очень эффектной женщиной, но очень избалованной. Ее красота требовала особого отношения, и обходилась жена дяде Борису очень недешево. Но не это главное. Регина категорически не хотела жить в России. В родной стране ее раздражало все. Зимой она не выносила мороза и снега, потому что приходилось носить зимние сапоги, а изящную обувь на тонких каблучках прятать до следующего сезона. Летнюю жару она могла пережить только в городе, где есть море. А периоды межсезонья повергали Регину в ужасную депрессию. Терпеть родной климат она соглашалась только в начале осени и конце весны.

Девочка из провинции

Все долгие годы совместной жизни супруга пилила Бориса на предмет переезда в любую европейскую страну: хоть в Чехию, хоть в Испанию, хоть в Германию. Но Борис был непреклонен, он не видел себя вне пределов родного города. Он даже в Москву никогда не рвался, считал, что грамотно выстроить успешную карьеру может только там, где он живет сейчас.

Его жизненные успехи только подтверждали правильность такого подхода, но и Регина своих позиций не меняла. Маялась в России, утверждая, что нет ей счастья в родной стране.

Борис много работал и отдыхать за рубежом позволял себе лишь два раза в год: зимой и летом. А жена готова была мотаться за границу беспрестанно. В конце концов Борис ее проглядел. Год назад выяснилось, что у Регины серьезный роман с состоятельным испанцем, который длится уже третий год. Женщина ждала совершеннолетия дочери и вот теперь приняла окончательное решение. Борису она сообщила о разрыве легко и непринужденно, сказав что-то вроде: «Ничего личного, милый, ты же знаешь, что мне нужно было изменить место жительства, здесь жить я не могу». И уехала. Разумеется, вместе с дочерью, которая с папой простилась тоже весьма прохладно.

Борис был раздавлен. Он считал свою жену избалованной красавицей, которой нравится носиться по европейским магазинам, ресторанам, театрам и курортам. Он не ожидал, что ее цель уехать из страны настолько четко сформулирована и обязательна для выполнения.

После отбытия жены и дочери в Барселону Борис затосковал. Он всю жизнь работал, много зарабатывал, стремился зарабатывать еще больше (образ жизни Регины стоил немалых затрат), и вот теперь он выстроил здание с прочным фундаментом, но для кого? Для кого он трудился? Кому теперь все это передать? Жениться снова?

АЛЛА ХОЛОД

Он еще не стар, очень хорошо выглядит и вполне может найти себе пару. Но каждую минуту он будет думать, что избран не за душевные качества и не из-за мужской привлекательности. Во всякой новой женщине он будет искать корыстный мотив, желание припасть к стабильному источнику материального благополучия.

Борис попробовал раз, попробовал другой. Его подозрения подтвердились, и он почувствовал, что устал. А тут пришло известие, что брат смертельно болен, что дни его сочтены. Когда Алексей умер, Борис уже принял решение относительно судьбы своей племянницы Кати.

И пусть Катя была взрослой, окончила медицинский колледж, работала медсестрой в районной больнице. У нее имелось и жилье, и профессия. Она бы не пропала, не умерла с голоду. Но какво это молодой девушке — остаться одной на всем свете!

Борису племянницу было жалко, очень жалко. Да и он остался один в большом доме. Все его домашнее общение — домработница да две кошки. Тоска. Ведь кроме горячего ужина, сытного завтрака, чистоты и порядка хочется иметь в доме родную душу. После похорон брата Борис сделал Кате предложение переезжать в город. Он один, о новой семье пока речь не идет, а если такой вопрос и встанет, то дом большой — места хватит всем. Катя согласилась.

И вот сегодня настал момент прощания с прежней жизнью. Вещи Катя собирала, еще окутанная горем и тем печальным облаком, которое окружает человека, пережившего смерть кого-то из близких. Много с собой дядя брать не велел, все равно в городе придется покупать все новое, о том, чтобы там ходить в тех же вещах, не могло быть и речи. Так что Катя взяла большей частью то, что было дорого ее сердцу, погрузила в машину и отправилась обустриваться на новом месте.

Девочка из провинции

Попрощаться по-настоящему тогда не получилось, а вот сейчас очень захотелось. Твердо веря в то, что в ее жизни открывается новая страница, Катя великодушно простила своему захоластью все, что ее раздражало ранее: и усиженную голубями площадь, и тополиный пух, от которого не спасали даже очки, и козьи экскременты на дороге, и ежевечернюю беспросветную скуку, и свой убогий домишко, который папа с мамой почему-то считали уютным и светлым. Катя даже сделала крик и дошла до обрыва, с которого открывался вид на реку Сороку.

Еще несколько лет назад река была полноводной, со стремительным течением. Сейчас берега заросли, русло пока еще широкое, но если процесс пойдет дальше, — обмелеет, зарастет. Но пока что смотреть на нее приятно, и воздух тут — единственная правда, с которой Катя согласна — чистый, вкусный, остро пахнущий травами и полевыми цветами. И птицы поют оглушительно, звуки их концерта переливаются, звенят в насыщенном солнечным светом воздухе, одни рулады сменяются другими, еще более изощренными. Катя прошла мимо церкви, перекрестилась, но заходить не стала, а то ведь так и на автобус опоздать не долго.

Она сказала дяде, что уедет на пару дней и вернется самостоятельно. Будет без вещей, так что приезжать за ней не нужно и машину посылать тоже. Не барыня, сама доберется. Четыре часа езды в рейсовом автобусе, конечно, мучение, но Кате не хотелось с первых же дней своей новой жизни становиться дяде обузой, нагружать его своими проблемами. Не надо, чтобы он чувствовал, что взвалил на себя тяжкий груз. Она не будет грузом. Она — легкая.

Катя еще раз полной грудью вдохнула звенящего сладкого воздуха и решительно пошла к автовокзалу. За билетом стоять не надо, она взяла его еще вчера, но все равно — до отправления автобуса осталось всего десять минут.

АЛЛА ХОЛОД

А ей хотелось перед отъездом успеть съесть мороженое. Ехать далеко, она наверняка проголодается.

А через четыре часа начнется ее новая жизнь. Интересная, насыщенная, полная событий и смысла.

Катя ошибалась. Ее новая жизнь началась уже через несколько минут.

— Ну, как всегда! Да что же это делается-то?! Не все же на прогулку в город катаются! В конце концов, люди же торопятся, — громко возмущалась смутно знакомая тетка в чем-то голубом, — уже не первый раз ведь ломается. Новые автобусы купите, если эти не ездют!

Тетка обращалась в никуда. Тех, кому эти слова могли бы предназначаться, вокруг не было. Только пассажиры, которым объявили, что автобус находится на станции техобслуживания и рейс задерживается как минимум на час. Остальные пассажиры кто тихо бормотал что-то недовольное, а кто и вовсе воспринял неприятную новость без видимой реакции. В таком богом забытом местечке время имеет свой ход, свою скорость, отличную от ритма больших городов. И даже если жители мегаполисов стали стоически относиться к наличию пробок и планировать свое время с учетом непредвиденных транспортных осложнений, то уж здесь-то...

Народ еще немного потолкался у места посадки и стал потихоньку рассасываться. Чего на солнцепеке торчать? Катя тоже прикидывала, куда податься и как скоротать внезапно образовавшуюся дыру в графике. Дом она закрыла, ключи отдала соседке. Да и возвращаться туда не имело смысла — расстояние немаленькое.

— На сколько задерживают? На час? Ох, а я думал, что опоздал уже, — послышался сзади приятный мужской голос.

Катя обернулась. Молодой человек в белой майке и джинсах стоял к ней спиной, а недовольная тетка в голубом поясняла ему подробности насчет задержки рейса

Девочка из провинции

и грозно прогнозировала, что где час — там и два. А то и все три.

— Да уж, неприятно, — подтвердил парень, глядя на часы.

У молодого человека были короткостриженные черные волосы, широкие плечи, туго обтянутые ослепительно-белой футболкой. Кто же ездит в таких белых одеяниях на рейсовых автобусах, скажите на милость?

Этого парня Катя явно не знала. Хотя вообще-то она считала, что знает чуть ли не всех, ведь работала в районной больнице. Ей почему-то захотелось обогнать незнакомца и посмотреть, что это за птица такая в белом оперении.

Но парень обернулся сам, будто почувствовал ее любопытный взгляд.

Если у Екатерины Алексеевны Скворцовой, двадцати четырех лет от роду, русской, образование среднее специальное, и была до сих пор какая-то жизнь, если у нее и имелись планы на жизнь будущую, то в ту самую минуту эти планы перестали существовать. В груди у Кати что-то болезненно екнуло. А потом внутри будто затикал некий новый механизм — тук-тук-тук... Как электронные часы. Или подобным образом тикает адская начинка во взрывном устройстве? Да-да, точно, так показывают в кино. Не тук-тук-тук. А именно тик-тик-тик...

Высокий молодой человек стоял на самом солнечном месте. Май выдался на редкость жарким, а Катя как раз сняла защитные очки, чтобы по-быстрому протереть их подолом юбки. Но она видела, что на нее смотрят смешливые зеленые глаза, казалось, что молодой человек ничуть не расстроился от прискорбного факта, что автобуса придется ждать.

Говорят, что от удивительного зрелища у человека отвисает челюсть, сама Катя ни разу не видела, чтобы не фи-

АЛЛА ХОЛОД

гурально выражаясь, а вполне реально у кого-либо такое происходило с лицом. Но, судя по тому, что молодой человек весело заулыбался, с Катей произошло именно это. Ее взгляд сфокусировался в одной точке, которая почему-то совпала со светло-зелеными прозрачными глазами парня, а нижняя челюсть неумолимо поехала вниз. Катя застыла и пришла в себя, только когда незнакомец, снова весело улыбнувшись, сделал перед ее глазами несколько горизонтальных движений рукой — как делают невропатологи.

— Эй, девушка, вы здесь? — сопроводил свои действия вопросом удивительный молодой человек. — Это всего лишь автобус и всего лишь задержка рейса. Ничего страшного пока не произошло.

Катя встрепенулась. Постаралась стряхнуть наваждение. Парень смотрел на нее и улыбался. Никогда в жизни ее взгляду не представлялось ничего, что могло бы сравниться с этим зрелищем. Откуда здесь этот молодой человек невиданной красоты? Что он делает на захолустном вокзале их городка? Он казался здесь столь же неуместным и неожиданным, как... Нет, Катя не смогла бы найти сравнения. Она же не поэт, в конце концов, а о таких явлениях нужно говорить либо стихами, либо не говорить ничего, молчать.

— Да, да, я в курсе насчет автобуса, — пролепетала она.

— Что ж делать, придется ждать, — отозвался он и добавил: — Жарко сегодня.

Затем покрутил головой, видимо прикидывая, куда податься. И снова посмотрел на Катю.

— Не стойте на самом солнце. Сгорите, — сказал он и сделал движение в сторону, собираясь отойти.

Катя внезапно испугалась, что он уйдет, и выпалила:

— Почему это я обязательно сгорю?

— Такие, как вы, быстро сгорают, — многозначительно сказал парень и снова улыбнулся.

— Какие это — такие?

Девочка из провинции

— Такие, как вы! — воскликнул красавец. — Таких белокожих девушек солнце не щадит.

Внезапно еще более глупо, чем отвисшая челюсть, опустились щеки — вмиг сделались пунцовыми.

— Ну вот, вы уже на пути к этому, — сказал парень, неправильно истолковав внезапный прилив крови, — пойдете в теник куда-нибудь, а то изжаримся.

Они отошли от мест посадки, молча прошли метров двадцать, и Катя наконец прервала молчание.

— Откуда вы здесь? Вы же не здесь живете?

— Почему вы так подумали? — усмехнулся он, но ответил: — Я еду в город. Я там живу. А раньше жил здесь.

— Не может быть, — отрезала Катя.

— Почему это?

— Потому что я вас не знаю. Я вас никогда раньше не видела, — объяснила она.

— А вы что же, работаете в паспортном столе? Всех местных жителей знаете?

— Нет, не в паспортном, — мотнула головой Катя, — я в больнице работаю. Вернее, работала. Поэтому перед моими глазами много народу проходит. Вернее, проходило.

— В прошедшем времени? — уточнил парень. — Переехали в город?

— Да, только-только переехала. А вы?

— Я давно отсюда уехал, семь лет уже, — объяснил он, — год армии, потом пять лет учеба, уже год работаю. Сюда приезжаю матушку проведать.

— Понятно, — кивнула Катя.

Они снова замолчали. И Катя снова испугалась, что незнакомец уже выбрал, где ему скоротать часок, и сейчас же развернется и уйдет.

— Почему же я вас не знаю, в какой школе вы учились?

— Да я из Шуберского. Там и закончил школу. Вот поэтому вы меня и не знаете, вот так все просто.